

УДК 101.1: 303.01+330.16

Антропологический поворот в современных исследованиях социального капитала

Ю. В. Дедолко, преподаватель*

Статья посвящена сравнительному анализу концепций социального, человеческого, интеллектуального и символического капиталов в современных социально-экономических науках. Автор выделяет различные подходы к интерпретации данных форм нематериального капитала. Рассматриваются основные понятия данных концепций, структура и формы социального, человеческого, интеллектуального и символического капиталов. Выявлены проблемы существующих концепций нематериальных форм капитала. Обосновано использование междисциплинарной и метадисциплинарной методологий в современных философско-методологических исследованиях концепций нематериальных форм капитала.

Ключевые слова: социальный капитал, человеческий капитал, интеллектуальный капитал, символический капитал, знания, образование, социальные отношения.

The Anthropological Turn in Contemporary Studies of the Social Capital

Y. V. Dedolko, Lecturer

The article is devoted to the comparative analysis of concepts of social, human, intellectual and symbolic capital in the modern social and economic sciences. The author highlights the different approaches to the interpretation of these forms of intangible capital. The basic ideas of these concepts of capital are considered, structure and form of a social, human, intellectual and symbolic capital are distinguished. The problems of existing concepts of intangible forms of capital are detected. The interdisciplinary and the metadisciplinary methodologies are substantiated in studies of the concepts of intangible forms of capital in modern Philosophy.

Keywords: social capital, human capital, intellectual capital, symbolic capital, knowledge, education, social relationships.

Согласно К. Марксу, «экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда» [1, с. 201], поэтому каждая цивилизация на различных этапах своего существования для обозначения и конкретизации специфики происходящих социально-экономических процессов создает язык, наиболее точно отражающий их суть, слова которого с развитием научно-теоретического знания оформляются в особый понятийно-категориальный аппарат той или иной научной дисциплины. Понятия, фиксирующие в рамках научных теорий определенные фрагменты действительности, по мере развития научного знания наполняются новыми смыслами и обретают связи с другими понятиями, позволяя логически выводить новые знания об изучаемых объектах и феноменах. Данные тенденции коснулись и понятия «капитал», долгое время являвшегося прерогативой исследований экономической теории, однако широко используемого в современном

социогуманитарном познании и имеющего весьма разнообразные коннотации.

Зародившись в Древнем Риме от слова *caput* — «голова», «главный», с течением времени слово «капитал» эволюционировало в зависимости от преобладавших в обществе форм экономических отношений и степени теоретического осмысления. С появлением товарно-денежных отношений римляне стали чеканить монеты, на которых в соответствии с традицией изображалась голова быка как символ богатства, а слово *caput* перешло в сферу экономического обмена. В Средневековье оно трансформировалось в слово *capital*, обозначающее скот как самовоспроизводящийся ресурс, предполагающий возможность учета и оценки, а также являющийся источником дополнительного богатства или прироста ценности. С развитием товарно-денежных отношений в эпоху позднего Средневековья, Возрождения и в начале Нового времени *capital* в учениях меркантилистов приобретает значение

* Преподаватель кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ.

«торговый, денежный капитал». В результате промышленного переворота, начавшегося в Западной Европе во 2-й половине XVIII в., сопровождавшегося активным развитием научного знания, появлением политэкономических исследований А. Смита и Д. Рикардо, опиравшихся на труды физиократов, видевших источник богатства в земледельческом производстве, добавилось еще одно значение — «промышленный капитал». В XIX—XX вв. благодаря работам К. Маркса широко распространилось понятие капитала как самовозрастающей стоимости, базирующейся на определенном, общественном, принадлежащем конкретной исторической формации общества производственном отношении. В результате процессов дифференциации научного знания, активно происходивших в конце XIX — начале XX в., и с формированием и развитием социогуманитарных дисциплин, а также с наметившимся кризисом индустриального этапа развития западного общества понятие «капитал» стало использоваться для характеристики личностных качеств и социальных взаимоотношений людей как особых ресурсов, обладающих, среди прочего, всеми признаками традиционно понимаемого капитала: измеримостью в денежном эквиваленте, конвертацией, способностью приносить прибыль.

На протяжении веков капитал ассоциировался с богатством, воплощенным в различных материальных формах. Попытка выйти за пределы понимания капитала как наличного материального объекта была впервые предпринята А. Смитом, указавшим, что полезные способности и приобретенные в процессе обучения и воспитания навыки членов общества также являются составным элементом капитала и характеризуются признаками, присущими капиталу: «...требуют известных расходов, но возмещают эти расходы вместе с прибылью» [2]. На нематериальную природу капитала указывали Ж. Сей и С. де Сисмонди, а благодаря трудам К. Маркса капитал приобрел статус социально-экономической категории, отражающей определенный тип производственных отношений, по сути являющихся разновидностью социальных отношений. Спустя полвека после опубликования первого тома «Капитала» в 1867 г., где К. Маркс зафиксировал сущность капитала как социально-экономической категории, отражающей определенный тип классовых отношений, американский социолог Л. Дж. Ханифан для описания социальных отношений, влияющих на повседневную жизнь людей, использует метафору «социальный капитал» для характеристики факторов, влияющих на качество повседневной жизни: доброжелательности, общения, взаимной симпатии и социального единения в группе лиц и семей [3, с. 130]. Для признания че-

ловеческих факторов и различных типов социальных отношений разновидностью капитала экономистам и социологам понадобилось еще полвека.

Разработка концепции «человеческого капитала» началась с исследований представителей Чикагской экономической школы Т. Шульца и Г. Беккера, исследовавших проблему инвестиций в образование и влияние образовательных факторов на жизнь отдельных людей и в целом на экономику государства. Результатом начатых Т. Шульцем исследований стало появление нового понятия — «человеческий капитал», используемого им в научных статьях с начала 60-х гг. XX в. Г. Беккер развил идеи и разработал микроэкономические основания концепции человеческого капитала, определив его как имеющийся у каждого человека запас знаний, навыков и мотиваций, основными инвестициями в котором выступают образование, подкрепляемое производственным опытом, забота о здоровье, мобильность, навыки работы с информацией [4]. Согласно Дж. Блэку, человеческий капитал отличается от материального капитала тем, что не может быть куплен или продан (за исключением рабовладения) и, следовательно, не может служить обеспечением кредитов [5]. Г. Беккер разработал модель расчета экономической эффективности образования, исходя из гипотезы, что, вкладывая финансовые средства в образование, люди ведут себя рационально, принимая во внимание последующие издержки и выгоды и сопоставляя их с рентабельностью альтернативных инвестиций по аналогии с экономическим капиталом. Т. Шульц, исследуя процессы функционирования экономик капиталистических стран после Второй мировой войны, выявил, что быстрые темпы восстановления Западной Германии и Японии не в последнюю очередь связаны с уровнем образования и здоровья населения, опровергнув сложившийся в экономической теории роста стереотип о том, что образование является затратным фактором, и благодаря чему оно стало рассматриваться как один из источников экономического роста.

Концепция культурного капитала П. Бурдьё имеет некоторое сходство с концепцией человеческого капитала Г. Беккера. Культурный капитал П. Бурдьё — это знания, позволяющие человеку понимать и оценивать различные типы культурных отношений и культурных продуктов. Это нематериальные преимущества, расширяющие возможности социальной мобильности, которые в процессе воспитания и образования элиты передают своим детям [6]. Существенным отличием является то, что культурный капитал П. Бурдьё является феноменом, присущим в большей степени элитам общества, способствующим воспроизводству классового

неравенства и дальнейшему накоплению элитами культурного капитала. Человеческий капитал Г. Беккера основан прежде всего на финансовом инвестировании в образование (с учетом издержек и выгод), доступное широким слоям населения благодаря развитой в США системе грантов и кредитования. Образовательные инвестиции в рамках концепции Г. Беккера важны так же, как обычные капиталовложения, и рассматриваются как источник экономического роста и благосостояния не только индивидов и социальных групп, но общества в целом. Объединяет эти две концепции мысль о том, что человеческий и культурный капиталы состоят в комплементарной взаимосвязи с другими формами капитала.

Современная концепция человеческого капитала (равно и социального) амбивалентна. С одной стороны, тенденции современного развития во всех сферах жизнедеятельности общества вынуждают нас признать человека с его знаниями, способностями, связями главным ресурсом дальнейшего прогресса в условиях информационного общества. С другой стороны, усилиями представителей неоклассической экономической школы, уходящей корнями в позитивизм, прагматизм и тяготеющей к экономическому империализму, возникает опасность дегуманизации человека, начало которой было зафиксировано К. Марксом в феномене отчуждения. На данную проблему указывал П. Бурдьё, упрекнувший экономизм в том, что ему «...известен только один род интереса — тот, что выработан капитализмом в результате специфической операции реального абстрагирования, создания мира, отношения которого основаны “на холодной денежной расплате”...; поэтому экономизм оказывается не в состоянии учесть... ни одну из форм “неэкономического” интереса» [7, с. 222]. В противовес экономизму П. Бурдьё вводит в анализ процессов обмена понятие символического капитала как комплекса обязательств и долгов чести, прав и обязанностей, которые накапливаются в ходе смены многих поколений и которые могут быть мобилизованы посредством сети союзников и знакомых, которую поддерживают и за которую держатся. Символический капитал функционирует «...как капитал в любой его форме, представляемой (т. е. воспринимаемой) символически в связи с неким знанием или, точнее, узнаванием или неузнаванием», предполагающим влияние хабитуса как социально сконструированной когнитивной способности [6, с. 61]. Символический капитал функционирует в обществе скрыто, как правило, посредством актов дарения и оказания взаимных услуг, вуалируя акты обмена и придавая им некоторый сакральный смысл, когда за обращением

видимых материальных благ скрывается обращение материально-символических благ. Спецификой символического капитала является то, что он не так легко поддается измерению и исчислению, как материальный капитал, а также то, что группа, «...способная его предоставить, все время склонна брать назад свое доверие, свою веру...; в делах чести, как и в земельной собственности, обогащение одного всегда происходит как бы за счет других» [7, с. 237]. Демонстрация символического капитала является одним из механизмов, благодаря которым различные виды капиталов конвертируются друг в друга.

Позднее П. Бурдьё вводит понятие социального капитала как «...совокупности реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания» [6, с. 66]. Группа дает своим членам опору в виде коллективного капитала и репутации, позволяющих получать разнообразные кредиты. Такие отношения могут существовать только в практическом состоянии, в форме материального и / или символического обмена, который способствует их поддержанию, могут быть оформлены социально и гарантированы общим именем или набором институционализирующих актов. Социальный капитал всецело подчинен логике знания и признания и всегда функционирует как символический капитал, а также находится в зависимости от экономического и культурного капиталов и оказывает мультипликативное воздействие на тот вид капитала, которым обладает агент. Объем социального капитала индивида или группы зависит от размера сети связей, которые агент может мобилизовать, и от объема капитала, которым обладает каждый из агентов сети.

Анализируя теоретические аспекты концепции социального капитала, Р. Патнэм констатирует наличие различий в том, как современные исследователи его определяют, но отмечает тенденции к сближению точек зрения в определении его сути. По аналогии с понятиями физического и человеческого капиталов Р. Патнэм относит социальный капитал к функциям социальной организации (сети, нормы, общественное доверие), которые облегчают координацию и сотрудничество для взаимной выгоды. Он отмечает неоднородность социального капитала, формируемого двумя типами общественных организаций: формальными и неформальными, тесно переплетенными друг с другом в реальной жизни [8]. Дж. Коулман, исходя из теории рационального поведения, также предлагает считать социальный капитал определенным видом ресурса и дает ему общую характеристику:

«Социальный капитал определяется своими функциями. Он включает в себя множество различных составляющих, которые характеризуются двумя общими свойствами: они, во-первых, состоят из нескольких социальных структур и, во-вторых, облегчают определенные действия акторов внутри структуры... Подобно другим формам капитала, социальный капитал продуктивен..., не попадает под строгую дефиницию, но он может обладать специфическими особенностями в определенных сферах» [9, с. 124]. К формам социального капитала он относит обязательства, ожидания, надежность структуры, информационные каналы, нормы и эффективные санкции. Сравнивая физический, человеческий и социальный капиталы, Дж. Коулман отмечает, что социальный капитал наименее осязаем из всех видов капитала, так как существует только во взаимоотношениях индивидов. Общим является то, что все виды капитала облегчают производственную деятельность. Ф. Фукуяма определяет социальный капитал как набор неформальных ценностей или норм, разделяемых членами группы, благодаря которым становится возможным сотрудничество внутри этой группы. Основой социального капитала является уровень и характер доверия, существующего в обществе, а также специфика его социокультурного развития [10].

Благодаря укоренению и развитию междисциплинарных исследований в социогуманитарных науках, понятие «капитал» стало наделяться большим количеством взаимодополняющих и пересекающихся коннотаций. В частности, П. Бурдье в своих работах вводит в оборот понятия капитала академической, политической и экономической власти, научного престижа, а также лингвистического, преподавательского, художественного капиталов. П. ДиМаджио, анализируя исследования П. Бурдье, отметил, что в его работах «капитал» все более становится фигурой речи, нежели мощным и точным аналитическим инструментом [11, с. 1468]. Не все из этих коннотаций капитала укоренились в научном сообществе, но они дали толчок к переосмыслению проблемы ресурсов на различных этапах технико-технологического, экономического и социокультурного развития человечества. Поэтому с активным развитием информационных технологий, начавшимся с 1960-х гг., переходом наиболее развитых стран на информационный или постиндустриальный этап развития, приоритетная роль в котором принадлежит знаниям, на базе уже признанных концепций человеческого, культурного, социального и символического капиталов стала выкристаллизовываться новая концепция — интеллектуального капитала.

Как и в случае с вышерассмотренными типами капитала, единого общепринятого определения интеллектуального капитала на сегодняшний день не сложилось. Впервые термин «интеллектуальный капитал» ввел американский экономист, один из основателей Римского клуба Дж. Гэлбрейт в 1969 г., считавший, что интеллектуальный капитал означает больше, чем «чистый интеллект» человека, и включает в себя также интеллектуальную деятельность [12, с. 67]. Т. Стюарт определяет его как совокупность знаний работников компании и объективированных результатов интеллектуального труда в виде патентов, процессов, управленческих навыков, технологий, опыта, информации о потребителях и поставщиках, дающих компании рыночные преимущества: «Объединенные вместе, эти знания составляют интеллектуальный капитал» [13]. Л. Эдвинссон определяет интеллектуальный капитал как знание, которое можно конвертировать в стоимость [14]. На первый взгляд, концепция интеллектуального капитала имеет явное сходство с концепцией человеческого капитала. В состав последнего входят образование, знания, мотивация, производственный опыт, здоровье, мобильность конкретного индивида. Интеллектуальный капитал рассматривается шире — как составная часть нематериальных активов компании, приносящих доход, включающая в себя: компетенции сотрудников (знания, образование, навыки, квалификация, опыт, социальные связи), структурные факторы (интеллектуальная собственность, информационные технологии, программное обеспечение, базы данных, ноу-хау, корпоративная культура, менеджмент) и рыночные или клиентские факторы (товарные знаки, наименования, франшиза, лицензионные соглашения, клиентская сеть). Интеллектуальный капитал включает в себя также социальные связи, как личные связи и знакомства сотрудников, так и связи компании с другими организациями, поскольку наличие таких связей позволяет увеличивать производительность и снижать трансакционные издержки. Исходя из сравнительного анализа человеческого, социального и интеллектуального капиталов, можно сделать вывод, что понятие интеллектуального капитала объемнее, поскольку включает в себя не только качества индивида, относимые к человеческому капиталу, но и объективированные результаты интеллектуальной деятельности, как индивидуальной, так и коллективной, а также включает в себя ряд параметров социального капитала (сети взаимодействия, доверие, нормы корпоративной этики). Интеллектуальный капитал — это одновременно и символический капитал, поскольку большинство форм интеллектуального капитала имеют символи-

ческую природу и функционируют на основе узнавания, признания, чести и престижа. Такие элементы интеллектуального капитала, как товарный знак, марочное или фирменное наименование, место происхождения, деловая репутация представляют собой символический капитал. Главная особенность интеллектуального капитала состоит в том, что он, как правило, является объектом правовых отношений, имеет собственника-правообладателя, обладает определенной стоимостью и может выступать объектом купли-продажи.

Исходя из сформировавшейся в XX в. традиции подразделения капитала на материальный и нематериальный, проанализированные выше виды капиталов обладают нематериальной природой, но в процессе обращения могут принимать осязаемую форму в виде различных материальных объектов. Отличительной чертой нематериального капитала, как отмечает российский социолог Л. А. Беляева, является его социальное содержание, не ограничивающееся анализом производимых экономических эффектов [15, с. 39]. Подобно материальным формам капитала, нематериальный капитал продуктивен, обладает способностью увеличения ценности и облегчает процесс производственной деятельности. Все виды нематериального капитала тесно взаимосвязаны и могут конвертироваться друг в друга. Основной проблемой исследований нематериальных типов капитала является проблема оценки их стоимости, что связано преимущественно с изначальной неосязаемостью, отсутствием единых принципов и методологий оценивания, вызванными относительно малым периодом исследований и большой степенью неопределенности сути и составляющих этих типов капиталов, что осложняется наличием различных методологических подходов.

Включение новых смыслов в понятие «капитал» и активная разработка концепций нематериальных форм капитала подтверждает гипотезу американского исследователя И. Валлерстайна, автора концепции миро-системного анализа, о том, что современная социальная наука нуждается в фундаментальной реорганизации своей познавательной деятельности путем выхода за рамки сложившегося в XIX в. дисциплинарного подразделения. Прежде всего в переосмыслении нуждается представление о том, что социальная реальность существует в трех отдельных сферах: политической, экономической и социокультурной. Путем выхода за сложившиеся дисциплинарные рамки И. Валлерстайн называет метадисциплинарный анализ единой и целостной социальной реальности, так как развитие междисциплинарных исследований чревато лишь институализацией дополнительной новой дисциплины [16]. На наш взгляд, в исследовании

нематериальных форм капитала актуально и продуктивно использование как междисциплинарной, так и метадисциплинарной методологий. Хронологически период возникновения и формирования концепций нематериальных форм капитала совпал с антропологическим поворотом в науке и в философии, согласно В. С. Степину, инициировавшим становление постнеклассических методологий исследований, ориентированных на анализ процессов становления, развития и самоорганизации явлений как природной, так и социальной реальности. Для нее характерна междисциплинарная ориентация и значительное расширение сферы философско-методологической рефлексии для анализа взаимосвязей получаемого знания с ценностно-целевыми структурами [17]. В. Т. Новиков отмечает, что в настоящее время актуальной становится интеграция различных дисциплин в изучении социальных феноменов, в процессе которой используются язык и методологии как естественнонаучного, так и социогуманитарного познания. Необоснованное использование междисциплинарных методологий действительно несет в себе опасность редукционизма и институализации новых дисциплин, но в целом развитие социогуманитарных наук и позитивные результаты междисциплинарного синтеза демонстрируют эффективность подобного подхода [18]. Метадисциплинарный анализ, предлагаемый И. Валлерстайном в отношении нематериальных форм капитала и осуществляемый на сегодняшний день преимущественно в рамках философии, позволяет нам подняться на новый уровень осмысления данных феноменов, проблем формирования и развития предлагаемых концепций, а также возможностей реализации заложенных в них потенциалов не только на теоретическом, но и на практическом уровнях.

Список цитированных источников

1. Маркс, К. Капитал / К. Маркс. — М., 2014.
2. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов: в 2 т. — М., 1993. — Т. 1, кн. 2 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.e-reading.club/ook.php?book=100806>. — Дата доступа: 25.09.2014.
3. Hanifan, L. J. The Rural School Community Center / L. J. Hanifan // The Annals of the Amer. Acad. of Polit. and Social Science. — 2013. — Vol. 67. — P. 130—138 [Electronic resource]. — Mode of access: <https://ia801608.us.archive.org/19/items/jstor-1013498/1013498.pdf>. — Date of access: 21.05.2015.
4. Беккер, Г. С. Человеческое поведение: экономический подход / Г. С. Беккер. — М., 2003.
5. Блэк, Дж. Экономика. Толковый словарь / Дж. Блэк. — М., 2000 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/18033. — Дата доступа: 15.04.2016.

6. Бурдьё, П. Формы капитала / П. Бурдьё // Эконом. социология. — 2005. — № 3. — С. 60—74.
7. Бурдьё, П. Практический смысл / П. Бурдьё. — СПб.; М., 2001.
8. Putnam, R. Social Capital: Measurement and Consequences / R. Putnam [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.oecd.org/innovation/research/825848.pdf>. — Date of access: 30.01.2016.
9. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Обществ. науки и современность. — 2001. — № 3. — С. 122—139.
10. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. — М., 2004.
11. DiMaggio, P. Review Essay: On Pierre Bourdieu / P. DiMaggio // Amer. J. of Sociology. — 1979. — Vol. 84, № 6. — P. 1468 [Electronic resource]. — Mode of access: https://www.jstor.org/stable/2777906?seq=1#page_scan_tab_contents. — Date of access: 30.05.2016.
12. Bontis, N. Intellectual Capital: an Exploratory Study that Develops Measures and Models? / N. Bontis // Management Decision. — 2000. — № 36 (2). — P. 63—76.
13. Stewart, T. Brainpower / T. Stewart // Fortune. — 1991. — June 3 [Electronic resource]. — Mode of access: http://archive.fortune.com/magazines/fortune/fortune_archive/1991/06/03/75096/index.htm. — Date of access: 25.11.2015.
14. Эдвинссон, Л. Корпоративная долгота. Навигация в экономике, основанной на знаниях / Л. Эдвинссон. — М., 2005. — 248 с.
15. Беляева, Л. А. Нематериальный капитал: к методологии исследования / Л. А. Беляева // Социол. исслед. — 2014. — № 10. — С. 36—44.
16. Валлерстайн, И. Миров-системный анализ / И. Валлерстайн; пер. Н. С. Розова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ihtik.lib.ru/philosophy/articles_21dec2006/. — Дата доступа: 16.10.2008.
17. Степин, В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / В. С. Степин // Постнеклассика: философия, наука, культура / В. С. Степин [и др.]. — СПб., 2009. — С. 249—295.
18. Новиков, В. Т. Социально-гуманитарное познание как предмет философской рефлексии / В. Т. Новиков, О. В. Новикова // Проблемы упр. — 2007. — № 4 (25). — С. 118—129.

Дата поступления в редакцию: 05.10.2016 г.